

шептъ будеть всякий подвозъ подкрѣпимъ турецкимъ войскамъ? (Рукописка). И почему намъ не дѣйствовать заодно съ Россіею для достиженія благихъ результатовъ, и почему намъ не отложить наше недовѣріе до того дня, когда справедливость его будеть подтверждена дѣйствительностю? Дѣянію этоѣ тому пазль одинъ изъ са-мыхъ просвѣщенныхъ государствен-ныхъ людей Англіи, Чарльзъ Джемсъ Фоксъ, сказалъ въ палатѣ общинъ, что Франція была нашимъ естественнымъ врагомъ. Въ теченіи тридцати лѣтъ мы боролись съ Франціей на поляхъ битвъ. И что же теперь? Вся эта древняя вражда исчезла и воспоминаніе о ней столь бѣдно, что многие изъ васъ, я уѣрѣнъ, съ удивленіемъ узнали о при-веденіи выше словахъ Фокса. Мы говоримъ, что если Франція такъ хра-бре боролась противъ наѣ, то столь же храбро она будеть бороться за одно съ нами. То же самое можно сказать и о Россіи. Я говорю, что готовы подать Россіи дружескую руку, коль скоро цѣлая ея справедливы. Я уѣждѣнъ въ важности согласія между Англіею и Россіею, но въ то же время утверждаю, что такое согласіе утратить всякое значеніе, если оно не будетъ немедленно и энергически примѣнено къ ре-шению занимающаго насъ вопроса.

— Сербскій министръ иностраныхъ дѣлъ, Раичичъ, вручилъ 7-го сего сен-табря представителямъ державъ при сербскомъ правительствеъ сѣдѣющую но-ту: «Бѣлградъ, 6-го сентября. М. г. Я имѣлъ честь 28-го июля (9-го августа) обратить ваше внимание на жестокіе и варварскіе поступки, совершаляемыя турецкими войсками по открытии военныхъ дѣйствій. Повидимому, всѣдѣствіе замѣ-чаній, сдѣланыхъ въ этомъ отношеніи высокой Портѣ иѣкою державами, турецкое правительство обѣщало дать своимъ агентамъ необходимыя инструк-ции для прекращенія этихъ возмутитель-ныхъ дѣйствій. Я тѣмъ не менѣе долженъ съ сожалѣніемъ заявить, что ин-струкціи Высокой Порты остались безъ исполненія, или же были испоняты. На основаніи новѣйшихъ свѣдѣній, полученныхъ княжескимъ правительствомъ, я могу утвердительно сказать, что турец-кія войска, во времена своего похода противъ Сербіи, продолжаютъ держаться все той же чудовищной системы войны, о которой я считалъ долгомъ заявить вамъ въ первый разъ. Княжеское пра-вительство вскорѣ будеть иметь возмож-ность подробно изложитъ прискорѣній разсказъ о всѣхъ разрушеніяхъ и же-стокостяхъ, совершонныхъ турками при занятіи княжескаго округа; до тѣхъ же поръ я считаю долгомъ указать гамъ-лии на возмутительное поведеніе ихъ на нашей восточной границѣ. Вотъ что произошло въ окрестностяхъ Зайчара, по очищеніи этого округа нашими вой-сками: страна была систематически опустошена, поля и всякое имущество истреблены, цѣлыя селенія преданы пла-менію. Эти пожары, правильнѣе испахи-вающіе каждый вечеръ, доказываютъ, что турецкая гражданская и военная власти являются сознательными соучаст-никами этихъ вандальскихъ дѣйствій, какъ бы желая далеко вокругъ себя распро-странить этими зловѣщими экзекуціями ужасъ. Во всякомъ случаѣ, турецкіе чи-новники не могутъ спать съ себѣ страш-ную отвѣтственность за эти дѣянія, со-вершаемыя у нихъ предъ глазами. Подъ Алексинцемъ зрѣлище еще печальнѣе и возмутительнѣе, если только это возможно. Турки открыли военнымъ дѣйствіемъ въ этомъ богатѣшемъ и плодороднѣшемъ округѣ княжества не болѣе двухъ недѣль тому назадъ, и несмотря на то, что заняли лишь ограниченное простран-ство, успѣли однакоже скечь сорокъ восемь селеній, какъ это можно видѣть изъ приложенія при семъ донесеніи алексинскаго префекта. Вся страна, по которой они проходили, опустошена, разграблена, выжжена. Знамя краснаго креста не только не служитъ защищо-ю противъ ихъ страсти къ опустошенню, но, напротивъ того, возбуждаетъ въ нихъ особенную яростъ и хотя они обожали честно соблюдать женевскую конвенцію, однако же уважаютъ и походныхъ ла-заретовъ, ни состоящаго при нихъ лично состава. 9-го (21-го) августа, подъ Алексинцемъ они стрѣляли по походно-му лазарету до тѣхъ поръ, пока не было спущено знамя краснаго креста. Позднѣе, 22-го августа (3-го сентября), турецкіе кавалеристы, захвативъ скреп-тера алексинскаго комитета „Красного Креста“, Луку Поповича, при исполненіи своихъ обязанностей, ринулись на него, отрубили ему сперва по локоть ру-ку, на которой была повязка, затѣмъ изрѣзали крестъ на руку, отчего это же счастный умеръ въ ужаснѣихъ стра-данияхъ. Вы найдете этотъ страшный разсказъ въ депешѣ начальника сани-тарного отряда Джорджевича, препро-вождаемой къ вами при семъ въ копіи. Всѣ эти жестокости даютъ мнѣ право повторять сказанное мною въ письмѣ отъ 9-го августа, а именно, что турец-кая армія ведетъ войну не такъ, какъ понимаютъ ее цивилизованные народы, и что со временемъ вступленіе ея на серб-скую територію цѣлью ея дѣйствій ав-ляетъ лишь истребленіе и опустошеніе. Она не можетъ ничего представить въ оправдание своихъ дѣйствій, такъ какъ, по единогласному показанию нашихъ о-

фицеровъ, пожары, производимые турка-ми, всѣдѣ начинались уже послѣ борь-бы, съдовательно не оправдывались ни-кою стратегическою необходимости. Эти пожары являются не столько не-чальнымъ и неизбѣжнымъ последствіемъ войны, а результатами заранѣе состав-ленаго плана. Я знаю, что представ-ляемое вами правительство принадле-житъ къ числу тѣхъ, которые пытаютъ живѣйшій интересъ къ этому вопросу, касающемуся скорѣе гуманности, чѣмъ политики, и потому считаю долгомъ спо-вратиться къ вами съ просьбою о дово-девеніи объ изложенныхъ мною фактахъ до свѣдѣнія по привадлежности. Ристичъ. (Прав. Вѣстн.)

— Низложение сultана Абдуль-Азіза вызвало всеобщую радость; мусульмане възвало, отрѣшеніе же отъ престола сultана Мурада сопровождалось общимъ сожалѣніемъ и плачомъ. Воспоминаніе на престолъ Османовъ Мурада V было при-ятствовано единодушнѣмъ восторгомъ константинопольскаго населенія; а при-заніе по царству Абдуль-Гаміда не встрѣтило въ народѣ ни малѣшаго со-чувственія отклика. Турки отнеслись къ этому событию съ вполнѣшнимъ рав-нодушіемъ. Правда, что тамъ и съмъ были пущены въ честь падишаха ракеты; но эти ракеты носили на себѣ тѣсткій отпечатокъ официальной демон-страціи, и ни одна изъ нихъ не поднялась, да простирайтъ намъ эту патетику, изъ глубины искренне радовавшагося мусульманскаго сердца. Въ день воспоминанія Абдуль-Гаміда на престоль, изъ садовъ мусульманскаго населенія не выр-валось ни одного радостнаго клика. Все было тихо, спокойно, даже сумрачно. Стамбуль не освѣтился ни однимъ фонаремъ, а между тѣмъ, Стамбуль именно и подобно освѣтился, такъ какъ въ этой части города скучна вся квинт-эссенція исламизма. Совершенно иную картины представляла себѣ тотъ же мусульманскій Стамбуль, въ день провозглашенія сultаномъ прен-ца Мурада-эфенди; онъ весь блесталъ отъ огней; всѣ лавки и базары были от-крыты, въ кофейняхъ толкался народъ; чубукіи хрѣпѣли, трубы дымились, и даже презрѣніе гурумы, появленіе кото-рыхъ въ Стамбуль во всякое другое время считалось бы за рѣдкость, уго-щались рядомъ съ мусульманами, кото-рые не только терпѣли ихъ присутствіе въ своей средѣ, но даже, въ честь по-ваго сultана, подчинали ихъ на убой. Ничего подобнаго не было въ день вос-поминанія на престоль Абдуль-Гаміда; мусульманскій стамбульский кварталь словно замеръ, и съ рапиго вчера у-лицы его совершенно опустѣли; точъ въ точъ лондонскій Сити въ воскресній день. Ночные сторожа по обыкновенію, выкрикивали часы, нарушая тишину своимъ монотоннымъ запевливаніемъ; и нѣкоторыхъ окнахъ видѣлись люди, вѣ-хавшіе ароматическій запахъ упомянутой южной ночи, мѣстами, на берегу, на темномъ фонѣ почт, обрисовывались блѣ-дные спусти турокъ, спокойно кѣ-фавшіхъ подъ окнами своихъ жилищъ. Одни только мечты были иллюминова-ны и представляли рѣзкій контрастъ съ окружавшимъ ихъ мракомъ; но опять та-кии сверкали на нихъ огни, были зажи-саны на нашій восточной границѣ. Вотъ что произошло въ окрестностяхъ Зайчара, по очищеніи этого округа нашими вой-сками: страна была систематически опустошена, поля и всякое имущество истреблены, цѣлыя селенія преданы пла-менію. Эти пожары, правильнѣе испахи-вающіе каждый вечеръ, доказываютъ, что турецкая гражданская и военная власти являются сознательными соучаст-никами этихъ вандальскихъ дѣйствій, какъ бы желая далеко вокругъ себя распро-странить этими зловѣщими экзекуціями ужасъ. Во всякомъ случаѣ, турецкіе чи-новники не могутъ спать съ себѣ страш-ную отвѣтственность за эти дѣянія, со-вершаемыя у нихъ предъ глазами. Подъ Алексинцемъ зрѣлище еще печальнѣе и возмутительнѣе, если только это возможно. Турки открыли военнымъ дѣйствіемъ въ этомъ богатѣшемъ и плодороднѣшемъ округѣ княжества не болѣе двухъ недѣль тому назадъ, и несмотря на то, что заняли лишь ограниченное простран-ство, успѣли однакоже скечь сорокъ восемь селеній, какъ это можно видѣть изъ приложенія при семъ донесеніи алексинскаго префекта. Вся страна, по которой они проходили, опустошена, разграблена, выжжена. Знамя краснаго креста не только не служитъ защищо-ю противъ ихъ страсти къ опустошенню, но, напротивъ того, возбуждаетъ въ нихъ особенную яростъ и хотя они обожали честно соблюдать женевскую конвенцію, однако же уважаютъ и походныхъ ла-заретовъ, ни состоящаго при нихъ лично состава. 9-го (21-го) августа, подъ Алексинцемъ они стрѣляли по походно-му лазарету до тѣхъ поръ, пока не было спущено знамя краснаго креста. Позднѣе, 22-го августа (3-го сентября), турецкіе кавалеристы, захвативъ скреп-тера алексинскаго комитета „Красного Креста“, Луку Поповича, при исполненіи своихъ обязанностей, ринулись на него, отрубили ему сперва по локоть ру-ку, на которой была повязка, затѣмъ изрѣзали крестъ на руку, отчего это же счастный умеръ въ ужаснѣихъ стра-данияхъ. Вы найдете этотъ страшный разсказъ въ депешѣ начальника сани-тарного отряда Джорджевича, препро-вождаемой къ вами при семъ въ копіи. Всѣ эти жестокости даютъ мнѣ право повторять сказанное мною въ письмѣ отъ 9-го августа, а именно, что турец-кая армія ведетъ войну не такъ, какъ понимаютъ ее цивилизованные народы, и что со временемъ вступленіе ея на серб-скую територію цѣлью ея дѣйствій ав-ляетъ лишь истребленіе и опустошеніе. Она не можетъ ничего представить въ оправдание своихъ дѣйствій, такъ какъ, по единогласному показанию нашихъ о-

стводѣ, пожары, производимые турка-ми, всѣдѣ начинались уже послѣ борь-бы, съдовательно не оправдывались ни-кою стратегическою необходимости. Эти пожары являются не столько не-чальнымъ и неизбѣжнымъ последствіемъ войны, а результатами заранѣе состав-ленаго плана. Я знаю, что представ-ляемое вами правительство принадле-житъ къ числу тѣхъ, которые пытаютъ живѣйшій интересъ къ этому вопросу, касающемуся скорѣе гуманности, чѣмъ политики, и потому считаю долгомъ спо-вратиться къ вами съ просьбою о дово-девеніи объ изложенныхъ мною фактахъ до свѣдѣнія по привадлежности. Ристичъ. (Прав. Вѣстн.)

— Низложение сultана Абдуль-Азіза вызвало всеобщую радость; мусульмане възвало, отрѣшеніе же отъ престола сultана Мурада сопровождалось общимъ сожалѣніемъ и плачомъ. Воспоминаніе на престолъ Османовъ Мурада V было при-ятствовано единодушнѣмъ восторгомъ константинопольскаго населенія; а при-заніе по царству Абдуль-Гаміда не встрѣтило въ народѣ ни малѣшаго со-чувственія отклика. Турки отнеслись къ этому событию съ вполнѣшнимъ рав-нодушіемъ. Правда, что тамъ и съмъ были пущены въ честь падишаха ракеты; но эти ракеты носили на себѣ тѣсткій отпечатокъ официальной демон-страціи, и ни одна изъ нихъ не поднялась, да простирайтъ намъ эту патетику, изъ глубины искренне радовавшагося мусульманскаго сердца. Въ день воспоминанія Абдуль-Гаміда на престоль, изъ садовъ мусульманскаго населенія не выр-валось ни одного радостнаго клика. Все было тихо, спокойно, даже сумрачно. Стамбуль не освѣтился ни однимъ фонаремъ, а между тѣмъ, Стамбуль именно и подобно освѣтился, такъ какъ въ этой части города скучна вся квинт-эссенція исламизма. Совершенно иную картины представляла себѣ тотъ же мусульманскій Стамбуль, въ день провозглашенія сultаномъ прен-ца Мурада-эфенди; онъ весь блесталъ отъ огней; всѣ лавки и базары были от-крыты, въ кофейняхъ толкался народъ; чубукіи хрѣпѣли, трубы дымились, и даже презрѣніе гурумы, появленіе кото-рыхъ въ Стамбуль во всякое другое время считалось бы за рѣдкость, уго-щались рядомъ съ мусульманами, кото-рые не только терпѣли ихъ присутствіе въ своей средѣ, но даже, въ честь по-ваго сultана, подчинали ихъ на убой. Ничего подобнаго не было въ день вос-поминанія на престоль Абдуль-Гаміда; мусульманскій стамбульский кварталь словно замеръ, и съ рапиго вчера у-лицы его совершенно опустѣли; точъ въ точъ лондонскій Сити въ воскресній день. Ночные сторожа по обыкновенію, выкрикивали часы, нарушая тишину своимъ монотоннымъ запевливаніемъ; и нѣкоторыхъ окнахъ видѣлись люди, вѣ-хавшіе ароматическій запахъ упомянутой южной ночи, мѣстами, на берегу, на темномъ фонѣ почт, обрисовывались блѣ-дные спусти турокъ, спокойно кѣ-фавшіхъ подъ окнами своихъ жилищъ. Одни только мечты были иллюминова-ны и представляли рѣзкій контрастъ съ окружавшимъ ихъ мракомъ; но опять та-кии сверкали на нихъ огни, были зажи-саны на нашій восточной границѣ. Вотъ что произошло въ окрестностяхъ Зайчара, по очищеніи этого округа нашими вой-сками: страна была систематически опустошена, поля и всякое имущество истреблены, цѣлыя селенія преданы пла-менію. Эти пожары, правильнѣе испахи-вающіе каждый вечеръ, доказываютъ, что турецкая гражданская и военная власти являются сознательными соучаст-никами этихъ вандальскихъ дѣйствій, какъ бы желая далеко вокругъ себя распро-странить этими зловѣщими экзекуціями ужасъ. Во всякомъ случаѣ, турецкіе чи-новники не могутъ спать съ себѣ страш-ную отвѣтственность за эти дѣянія, со-вершаемыя у нихъ предъ глазами. Подъ Алексинцемъ зрѣлище еще печальнѣе и возмутительнѣе, если только это возможно. Турки открыли военнымъ дѣйствіемъ въ этомъ богатѣшемъ и плодороднѣшемъ округѣ княжества не болѣе двухъ недѣль тому назадъ, и несмотря на то, что заняли лишь ограниченное простран-ство, успѣли однакоже скечь сорокъ восемь селеній, какъ это можно видѣть изъ приложенія при семъ донесеніи алексинскаго префекта. Вся страна, по которой они проходили, опустошена, разграблена, выжжена. Знамя краснаго креста не только не служитъ защищо-ю противъ ихъ страсти къ опустошенню, но, напротивъ того, возбуждаетъ въ нихъ особенную яростъ и хотя они обожали честно соблюдать женевскую конвенцію, однако же уважаютъ и походныхъ ла-заретовъ, ни состоящаго при нихъ лично состава. 9-го (21-го) августа, подъ Алексинцемъ они стрѣляли по походно-му лазарету до тѣхъ поръ, пока не было спущено знамя краснаго креста. Позднѣе, 22-го августа (3-го сентября), турецкіе кавалеристы, захвативъ скреп-тера алексинскаго комитета „Красного Креста“, Луку Поповича, при исполненіи своихъ обязанностей, ринулись на него, отрубили ему сперва по локоть ру-ку, на которой была повязка, затѣмъ изрѣзали крестъ на руку, отчего это же счастный умеръ въ ужаснѣихъ стра-данияхъ. Вы найдете этотъ страшный разсказъ въ депешѣ начальника сани-тарного отряда Джорджевича, препро-вождаемой къ вами при семъ въ копіи. Всѣ эти жестокости даютъ мнѣ право повторять сказанное мною въ письмѣ отъ 9-го августа, а именно, что турец-кая армія ведетъ войну не такъ, какъ понимаютъ ее цивилизованные народы, и что со временемъ вступленіе ея на серб-скую територію цѣлью ея дѣйствій ав-ляетъ лишь истребленіе и опустошеніе. Она не можетъ ничего представить въ оправдание своихъ дѣйствій, такъ какъ, по единогласному показанию нашихъ о-

стводѣ, пожары, производимые турка-ми, всѣдѣ начинались уже послѣ борь-бы, съдовательно не оправдывались ни-кою стратегическою необходимости. Эти пожары являются не столько не-чальнымъ и неизбѣжнымъ последствіемъ войны, а результатами заранѣе состав-ленаго плана. Я знаю, что представ-ляемое вами правительство принадле-житъ къ числу тѣхъ, которые пытаютъ живѣйшій интересъ къ этому вопросу, касающемуся скорѣе гуманности, чѣмъ политики, и потому считаю долгомъ спо-вратиться къ вами съ просьбою о дово-девеніи объ изложенныхъ мною фактахъ до свѣдѣнія по привадлежности. Ристичъ. (Прав. Вѣстн.)

— Низложение сultана Абдуль-Азіза вызвало всеобщую радость; мусульмане възвало, отрѣшеніе же отъ престола сultана Мурада сопровождалось общимъ сожалѣніемъ и плачомъ. Воспоминаніе на престолъ Османовъ Мурада V было при-ятствовано единодушнѣмъ восторгомъ константинопольскаго населенія; а при-заніе по царству Абдуль-Гаміда не встрѣтило въ народѣ ни малѣшаго со-чувственія отклика. Турки отнеслись къ этому событию съ вполнѣшнимъ рав-нодушіемъ. Правда, что тамъ и съмъ были пущены въ честь падишаха ракеты; но эти ракеты носили на себѣ тѣсткій отпечатокъ официальной демон-страціи, и ни одна изъ нихъ не поднялась, да простирайтъ намъ эту патетику, изъ глубины искренне радовавшагося мусульманскаго сердца. Въ день воспоминанія Абдуль-Гаміда на престоль, изъ садовъ мусульманскаго населенія не выр-валось ни одного радостнаго клика. Все было тихо, спокойно, даже сумрачно. Стамбуль не освѣтился ни однимъ фонаремъ, а между тѣмъ, Стамбуль именно и подобно освѣтился, такъ какъ въ этой части города скучна вся квинт-эссенція исламизма. Совершенно иную картины представляла себѣ тотъ же мусульманскій Стамбуль, въ день провозглашенія сultаномъ прен-ца Мурада-эфенди; онъ весь блесталъ отъ огней; всѣ лавки и базары были от-крыты, въ кофейняхъ толкался народъ; чубукіи хрѣпѣли, трубы димились, и даже презрѣніе гурумы, появленіе кото-рыхъ въ Стамбуль во всякое другое время считалось бы за рѣдкость, уго-щались рядомъ съ мусульманами, кото-рые не только терпѣли ихъ присутствіе въ своей средѣ, но даже, въ честь по-в

